

Н.Г. Бережков

Хронология русского летописания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Г. Бережков**
Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 378 с.

ISBN 978-5-458-44819-2

Сущность работы Г. Н. Бережкова заключается в установлении научно обоснованных дат событий, о которых говорится или упоминается в летописях, в том числе Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I старшего взвода. В начале каждой главы автор дает каждый раз полное библиографическое название произведения.

ISBN 978-5-458-44819-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ческое исследование этих летописей (Переяславля Суздальского, Симеоновской, Воскресенской, Новгородской I младшего извода, Новгородской IV Московского свода конца XV в.) «было необходимо при исследовании летописей Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I старшего извода и велось параллельно. Результаты исследования названных летописей представлены в виде таблиц, графически изображающих распределение событий каждого года между статьями летописи. Составление хронологического комментария к недавно изданному Московскому своду конца XV в. облегчено тем, что по датировке событий (по распределению событий между годами летописи) он очень близок (по-видимому, почти совпадает) с Воскресенской летописью». Таким образом, Н. Г. Бережков изучил с хронологической стороны все основные русские летописи по XIV в. включительно. Из летописей более позднего времени он использовал только Московский свод конца XV в.

При крайней научной добросовестности автора можно предполагать, что все указанные летописи были им изучены с одинаковой тщательностью, тем не менее главное внимание было им уделено первым трем (Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I старшего извода), так как главы, посвященные этим летописям, разработаны с наибольшей полнотой и тщательностью; что же касается остальных, то им отведены или небольшие главы (Новгородская I младшего извода) или же только разделы во вводной главе и в таблицах.

Совершенно особо в монографии стоит вопрос о Повести временных лет. В тексте и комментариях, посвященных Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, имеются ссылки на текст и комментарии, относящиеся к Повести. Однако в имеющихся бумагах не удалось обнаружить не только законченной работы о Повести, но даже и фрагментов ее. Все, что имеется сейчас, это таблица, в которой автор критически проверил даты, указанные в Повести.

О намерении Н. Г. Бережкова дать комментарий к Повести временных лет свидетельствует его запись, сделанная 22 апреля 1950 г., в которой сказано: «Дать после общей части краткий хронологический комментарий к статьям Повести временных лет за 6508—6625 (1000/01—1117/8) годы». В той же папке имеются и другие записи, говорящие о том, что автор намеревался дать постатейный комментарий к Повести временных лет.

Так, в одном месте имеется следующий план работы над летописями: А. Общая часть. Б. Постатейный комментарий. 1. Повесть временных лет. а. По статью 6524 г. б. Статьи 6525—6618—6625 гг. 2. Лаврентьевская летопись (После Повести временных лет). 3. Ипатьевская летопись (после Повести временных лет). а. Статьи 6626—6708 гг. б) Статьи 6709—6800 гг. 4. Новгородская I старшего извода. 5. Новгородская I младшего извода. 6. Симеоновская. 7. Новгородская IV. 8. Воскресенская. Следующие записи содержат тот же порядок выполнения работ, т. е. что комментарии к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям должны быть сделаны после того, как будут выполнены работы над Повестью⁶, но в то время как перед записями о Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I старшего извода есть отметки о выполнении работ, в записи о Повести таких отметок нет.

Наличие таблицы, посвященной Повести, показывает, что значительная часть работы над этим источником была проделана, но текст и ком-

⁶ На одном из листов находится следующая запись: «Очередность обследования летописей (к № 2 по перечню тем).

1. Повесть временных лет (в связи с нею — Начальный свод 1093 г.). 2. Лаврентьевская летопись за 1110—1304 гг. 3. Ипатьевская летопись. 4. Симеоновская летопись. 5. Троицкая летопись. 6. Летопись Переяславля Суздальского. 7. Радзивилловская летопись по обоим спискам. 8. Новгородская летопись. 9. Другие летописи.

ментарии, очевидно, если и были, то только в черновых записях, которые не обнаружены.

Сущность работы Н. Г. Бережкова заключается в установлении научно обоснованных дат событий, о которых говорится или хотя бы упоминается в летописях. Известно, что разные летописи по-разному датируют одни и те же события, причем разница в датировке простирается от нескольких дней до 1—2 лет. Отбрасывая случаи описок переписчиков или составителей, такие расхождения Н. Г. Бережков объясняет тем, что летописцы пользовались двумя разными стилями, мартовским и ультрамартовским, т. е. начиная год с марта месяца, датировали события на полгода раньше византийского сентябрьского или на полгода позже. Таким образом, работа в основном свелась к уяснению вопроса, каким стилем в каждом конкретном случае пользовался летописец — мартовским или ультрамартовским. Исследование в этом направлении сделано автором с чрезвычайной скрупулезностью и выводы его самым тщательным образом обоснованы. Очевидно, после опубликования данной монографии не останется никаких сомнений в том, что датировка одного и того же события разными летописцами по-разному не была ошибкой одного из них, а явилась следствием применения ими разных стилей. И тем не менее у всякого, ознакомившегося с этой работой, возникает вопрос: почему летописцы одного и того же города периодически переходили от одного стиля к другому, чтобы через какое-то время вернуться к прежнему, а затем опять изменить его.

Н. Г. Бережков всегда был очень осторожен в выводах и не публиковал результатов своих наблюдений до тех пор, пока не был совершенно убежден в их безусловной правильности. Очевидно, и здесь, не придя к какому-нибудь окончательному заключению, он оставил вопрос открытым.

Вполне естественно, что даты, определенные в этой монографии, не являются чем-то непререкаемым, не подлежащим обсуждению.

Опорными точками в установлении дат для Н. Г. Бережкова были, во-первых, солнечные и лунные затмения, а, во-вторых, так называемые «полные даты», т. е. указание дня недели, месяца и года, когда происходило то или иное событие. Летописцы, как правило, отмечали затмения, появления комет и разные выдающиеся атмосферические явления. Эти данные летописей явились предметом исследования астрономов Д. О. Святского и М. А. Вильева, а выводы этих ученых легли в основу определения Н. Г. Бережкова, каким стилем пользовался летописец, отмечавший у себя затмения или появления комет. «Полные даты» дают возможность установить, действительно ли соответствуют дни недели месяцу и году.

Редакция оставила в неприкосновенности весь авторский текст, но местами внесла изменения в текст цитат из летописей, потому что в отдельных главах при цитировании автор оставлял буквы ъ и ь, а в других ъ заменял буквой е, а ь исключал. Для унификации и упрощения текста редакция исключила букву ъ, заменив ее везде буквой е, а букву ь в конце слов исключила.

Главы, посвященные летописям Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I старшего извода, представляли собой каждая вполне самостоятельные произведения со своим отдельным оглавлением и примечаниями. Поэтому в начале каждой главы автор давал каждый раз полное библиографическое название произведения, на которое делалась ссылка. Редакция упростила систему ссылок, оставив полное библиографическое описание только тогда, когда это произведение упоминается в первый раз.

Монография просмотрена астрономом доцентом Московского университета П. Г. Куликовским.

Н. Улащик.

Глава I

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование о хронологии русских летописей было предпринято в связи с работами Института истории АН СССР по составлению многотомных «Очерков истории СССР». Руководство института и редакторский состав «Очерков» уделили большое внимание в частности тому, чтобы хронологическая сторона этого обширного коллективного труда стояла на должной высоте. Положение в области хронологии русской истории не является до сих пор вполне удовлетворительным. Многие исторические работы разных типов, и дореволюционные и современные, страдают (в отдельных случаях изобилуют) хронологическими погрешностями, неточностями, несогласованностью датировок. Два основных условия необходимы, чтобы устранить это хронологическое неблагополучие в отношении того периода, для изучения которого главным источником служат летописи: во-первых, разработка тех общих вопросов древнерусского летосчисления, которые остаются недостаточно исследованными, преодоление отсталости этого участка исторических знаний; во-вторых, детальный, исчерпывающий хронологический (т. е. в отношении датировки событий) анализ основных памятников летописания, каждого в отдельности и в их сопоставлении. Хронологическая работа собственно для многотомника (проверка, уточнение, обоснование дат, составление хронологических таблиц) сопровождалась работой в обоих указанных направлениях. Таково происхождение исследования о хронологии русских летописей.

Начало научной разработки русской хронологии положено В. Н. Татищевым¹ и другими историками XVIII в. Они признавали важность хронологической стороны исторического исследования, были знакомы с достижениями западной науки в области хронологии, знали и применяли некоторые из тех методов установления и проверки дат, которые применяются и теперь, отводили в своих трудах место хронологическим комментариям. Эти первые хронологические опыты неизбежно сопровождались ошибками и недоразумениями, обусловленными в значительной мере еще недостаточно критическим отношением к источнику; но были и успехи как в выяснении общих вопросов древнерусского летосчисления, так и в определении правильных дат событий. В свете последующих достижений хронологические разыскания XVIII в. представляют теперь уже только историографический интерес.

С большой вдумчивостью подходил к датировке событий Н. М. Карамзин. Какова бы ни была степень его самостоятельности в решении отдельных хронологических вопросов (это может быть выяснено только пу-

тем детального обследования его примечаний), в ряде случаев он дает гораздо более убедительное обоснование принимаемых дат, чем его предшественники, и многие его хронологические примечания (как и примечания иного содержания) сохраняют ценность до сих пор². Обширное поле для хронологической работы оставалось тогда, однако, еще впереди. Это хорошо сознавалось современниками Карамзина и высказывалось некоторыми из них именно по поводу его «Истории».

Очень заметное место занимают вопросы хронологии в нашей исторической литературе приблизительно с конца 30-х годов XIX в. по начало 60-х. Появляется «Повествование о России» Н. С. Арцыбашева (1833)³, хронологические статьи И. Д. Беляева (1846)⁴, В. М. Ундольского (1849, 1850)⁵, А. А. Куника (1854 и след.)⁶. Развертывается полемика И. Д. Беляева, М. П. Погодина и других историков с П. В. Хавским⁷ относительно древнерусского года; дебаты о летосчислении Нестора и его продолжателей выносятся и на страницы общей, в том числе ежедневной прессы. Выходят в свет двухтомные *Forschungen* И. Круга (1848)⁸, ценные в хронологическом отношении тома (IV—VI) «Исследований, замечаний и лекций» М. П. Погодина (1850, 1855, 1857)⁹, публикуется его «Хронологический указатель» (1864)¹⁰. Тщательно составленными хронологическими таблицами снабжаются тома «Ученых записок» АН по I и III отделениям (1853—1855). Печатается исследование Э. Боннеля (1854)¹¹, издается его монументальная «Русско-Лифляндская хронология» (1862)¹², выходит монография А. Энгельмана (1858)¹³. Создание трудами ряда специалистов полной научной хронологии русской истории стояло тогда, казалось, как назревшая, вполне осознанная задача.

Однако достаточных сил, которые посвятили бы себя этому делу, не было, и поэтому при наличии больших частных достижений задача в целом осталась невыполненной. В дальнейшем разыскания относительно хронологических дат входят, как и раньше, в труды на исторические и источниковедческие темы, появляются и работы хронологического содержания, но в общем это последующее время, особенно если сопоставить его с только что указанным промежутком, представляется временем затишья в области хронологических исследований, — затишья, которое длится, собственно, и до наших дней. Труды Н. В. Степанова¹⁴, появившиеся в конце первого — начале второго десятилетия XX в., не вызвали того отклика со стороны историков, который бы соответствовал значительности поставленных хронологических вопросов.

Дореволюционная историческая наука оставила богатое наследство советской науке, но оставила и крупную задолженность, т. е. такие задания, которые могли бы быть с успехом выполнены и однако остались невыполненными. К числу таких заданий принадлежат и задания в области хронологии.

Тема и содержание предлагаемого исследования, а в значительной мере и форма его определились в первую очередь тем, что оно было задумано как работа практически полезная для историка при его занятиях по летописям, в части, касающейся датировки событий. Подробно и с применением возможно широкого круга методов обследовать с хронологической стороны основные памятники летописания, каждый в отдельности и в их сопоставлении, включая те, которые еще не подвергнуты специальному хронологическому изучению; облечь обследование в форму постратейного комментария, сопровождаемого сводом наблюдений над теми частями, на которые данная летопись распадается по хронологическим признакам, и над летописью в целом; поставить в связь результаты обследования сохранившихся памятников летописания с историей летописного текста, с историей летописания; привлечь результаты обследования к изучению тех общих вопросов древнерусского летосчисления, которые остаются недостаточно выясненными, — так, в общих чертах,

наметилась программа работы. В первой части работы подвергнуты обследованию летописи, важнейшие для изучения времени по XIV в. включительно: Ипатьевская, Лаврентьевская, Переяславля Суздальского, Радзивилловская, Троицкая (поскольку ее содержание может быть восстановлено), Симеоновская, Воскресенская, Новгородская I старшего извода и Новгородская I младшего извода.

Среди недостаточно выясненных вопросов древнерусского летосчисления два вопроса являются основными: для времени по XIV в. — вопрос о применении, наряду с мартовским стилем летосчисления, ультрамартовского стиля; для XV в. — вопрос о смене мартовского стиля сентябрьским. В работе о летописной хронологии по XIV в. включительно большое место заняло, по свойствам материала, выявление и изучение ультрамартовских датировок, и в этом смысле вопрос об ультрамартовском стиле оказался стержневым вопросом исследования. В чем заключается вопрос?

Восточные славяне приняли вместе с христианством византийское летосчисление от с. м. *, но удержали свое исконное весеннее начало года, начинали год мартом, а не сентябрем, как византийцы. Между сентябрьским годом и мартовским годом с тем же обозначением (числовым) мыслимо два отношения: или мартовский год начинался полугодом позже сентябрьского (был, как прежде говорилось в литературе, «моложе» сентябрьского по своему началу), или — полугодом раньше его (был «старше» сентябрьского). Год, начинающийся шестью месяцами позже сентябрьского, называется в литературе мартовским; для года, начинающегося шестью месяцами раньше сентябрьского, Н. В. Степанов предложил название ультрамартовский¹⁵, и оно может считаться принятым. Мартовский год совпадает с мартом — августом сентябрьского года, имевшего то же обозначение, и с сентябрем — февралем следующего сентябрьского года; ультрамартовский год охватывает март — август сентябрьского года с предшествующим обозначением и сентябрь — февраль сентябрьского года с одинаковым обозначением. Иными словами: мартовское обозначение года одинаково с сентябрьским обозначением в марте — августе и меньше сентябрьского на единицу в сентябре — феврале; ультрамартовское обозначение превышает сентябрьское на единицу в марте — августе и совпадает с ним в сентябре — феврале. Ультрамартовское обозначение на всем протяжении года единицею больше мартовского.

Промежуток, составляющий первый год нашей, Дионисиевой эры, соответствует январю — августу 5509 сентябрьского года византийской эры и сентябрю — декабрю 5510 г., т. е. обозначение этого годового промежутка по нашему счету меньше обозначения по византийскому счету на 5508 в январе — августе и на 5509 в сентябре — декабре. Разница между обозначениями годов по нашему счету и по византийскому счету остается, разумеется, неизменной из года в год, и отсюда — общеизвестное правило перевода сентябрьских годов византийской эры на январские годы н. э.: вычитание 5508 для января — августа и 5509 для сентября — декабря. Из отношения мартовского и ультрамартовского годов к сентябрьскому году византийской эры и отношения сентябрьского года к январскому году н. э. легко выводятся путем простейших расчетов правила перевода мартовского и ультрамартовского годов на годы н. э.: мартовский год переводится вычитанием 5508 для марта — декабря и 5507 для января — февраля; ультрамартовский — вычитанием 5509 для марта — декабря и 5508 для января — февраля. Вычитаемое при переводе ультрамартовского обозначения года во всех случаях на единицу больше, чем при переводе такого же (численно) обозначения года, если оно —

* Т. е. от сотворения мира.— *Прим. ред.*

мартовское. Прилагаемая таблица показывает соотношение между сентябрьским, мартовским и ультрамартовским годами византийской эры и январским годом н. э. и способы перевода года от с. м., при каждом из этих трех обозначений его, на год н. э. Вторая таблица изображает указанное соотношение и способы перевода на отдельном примере.

Понятна первостепенная важность распознавания мартовского и ультрамартовского обозначения годов в источниках для хронологической работы, для датировки событий годами н. э. Только правильно определив обозначение года как мартовское или как ультрамартовское, мы правильно переведем его на год н. э. Если мы ошибочно примем ультрамартовское обозначение за мартовское или наоборот и соответственно переведем его на наш счет, мы неизбежно датировем событие с ошибкой на год: в первом случае отнесем событие к году, следующему за тем, к которому оно должно быть отнесено по свидетельству источника; во втором случае — к году предшествующему. Ошибка в распознавании мартовского и сентябрьского обозначений года, если событие относится к сентябрю — февралю, ультрамартовского и сентябрьского обозначения, если событие относится к марту — августу, равным образом искажающе влияет на датировку события годом н. э.

Какими же годами вели счет времен наши предки, какими годами помечали статьи наши летописцы — мартовскими или ультрамартовскими? Название «ультрамартковский» недавнего происхождения, но самый вопрос имеет в литературе длительную историю.

В. Н. Татищев считал, что мартовский год начинался шестью месяцами позже сентябрьского и соответственно переводил летописные даты на наш счет. За такое понимание отношения мартовского года к сентябрьскому говорит анализ очень большого числа летописных датировок. Подкрепленное позже авторитетом Карамзина, оно прочно вошло в научный оборот и остается общепринятым среди историков до наших дней.

Начиная с 30-х годов прошлого века противником господствовавшего взгляда, рьяным противником, выступил П. В. Хавский. Он упорно настаивал на том, что мартовский год должен почитаться «старшим» по отношению к сентябрьскому, т. к. он начинался полугодом раньше него. Он доказывал это положение не материалом источников, а соображениями пасхалистического характера. Пасхалисты не приняли доводов П. В. Хавского; а историки И. Д. Беляев, М. П. Погодин, В. М. Ундольский, А. А. Куник¹⁶ дружно выступили против него и как хозяева летописного материала в длительной оживленной полемике одержали победу, утвердили прежнее понимание (хотя и не убедили противника). Позже сторонником признания «старшинства» мартовского года перед сентябрьским заявил себя Н. П. Ламбин¹⁷, но он не дал в развернутом виде обоснования своего взгляда.

Полемика велась в порядке взаимоисключающего противопоставления одного взгляда другому: или — или. Или древняя Русь считала мартовский год «младшим» по отношению к сентябрьскому, или «старшим» по отношению к нему; возможности иного решения вопроса не предполагалось. Историки, принимавшие и защищавшие обычное представление, что мартовский год был «младшим», замечали, конечно, что в летописях многие статьи, большие группы статей имеют обозначения года на единицу большие (как показывает анализ датировок), чем следовало бы при таком отношении мартовского года к сентябрьскому, т. е. — по теперь принятому названию — обозначения ультрамартовские; замечали и то, что в разных летописях обозначения статей, соответствующих одна другой по содержанию, часто разнятся на единицу. Эти отступления от мартовского обозначения и эти расхождения в обозначении года историки, начиная с В. Н. Татищева, продолжая Н. М. Карамзиным, оппонентами П. В. Хавского и последующими историками, объясняли ошибками лето-

март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август						
N												N + 1												N + 1											
--5509												--5508												--5507											
N-1												N												N-5507											
N-5509												N-5508												N-5507											

УЛЬТРАМАРТОВСКИЙ перевод
 СЕНТЯБРЬСКИЙ перевод
 МАРТОВСКИЙ перевод
 ЯНВАРСКИЙ Н. Э.

январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
N УЛЬТРАМАРТОВСКИЙ ГОД												N СЕНТЯБРЬСКИЙ ГОД												N МАРТОВСКИЙ ГОД											

писцев, сводчиков и переписчиков. М. П. Погодин различал в Ипатьевском и Лаврентьевском списках чередующиеся промежутки: в одних список «верен» в обозначении годов, в других — «уходит годом вперед», по ошибке проставляет годы единицею больше, чем надо бы, т. е. неверен в датировке событий¹⁸. При совпадающем обозначении года события в разных летописях историки большею частью принимали эту дату за достоверную и переводили ее на наш счет установленным для перевода мартовского года способом. При различном обозначении года в летописях историки, иногда мотивированно, иногда более или менее произвольно, принимали одно из обозначений за правильное, переводя его на год н. э. опять-таки указанным способом, а другое отклоняли как ошибочное; иногда осторожно признавали, что дата не может быть установлена с полною достоверностью вследствие разногласия источников.

По-новому поставил вопрос и выдвинул новое его решение Н. В. Степанов в статьях, напечатанных в самом конце первого и в первой половине второго десятилетия XX в.¹⁹ Он произвел внимательное построчное обследование летописей: Лаврентьевской в полном объеме (т. е. по самое начало XIV в.), Ипатьевской по XII в. (т. е. до начала Галицко-Волынской летописи) и Новгородской I преимущественно тоже по XII в., отчасти и за XIII в., в отношении чередования в них мартовских датировок и таких датировок, в которых год обозначен единицею больше мартовского, т. е. ультрамартовских. Разделяя летопись на перемежающиеся группы статей с мартовскими обозначениями года и с ультрамартовскими, Н. В. Степанов делал по существу то же, что делал когда-то М. П. Погодин; но он вел изучение совершенно самостоятельно (работа Погодина, по-видимому, и не была ему известной). Круг методов у Н. В. Степанова уже, но обследование произведено и представлено читателю со значительно большей обстоятельностью. При несовпадении результатов обследования у обоих авторов преимущество правильности и точности большей частью (не всегда, однако) на стороне Степанова. Главное же состоит в том, что Н. В. Степанов дал совершенно иное-общее истолкование полученным наблюдениям. Он отказался от признания ультрамартовских датировок ошибками. Он увидел в них применение определенного стиля летосчисления — ультрамартовского стиля. Он признал, таким образом, сосуществование в древней Руси и применение в летописном деле двух стилей летосчисления — мартовского и ультрамартовского.

Очевидна большая полезность произведенной Н. В. Степановым работы по распознаванию мартовских и ультрамартовских обозначений статей для правильной датировки событий и очевиден большой научный интерес предложенного им истолкования ультрамартовских датировок. Когда оно будет принято (а оно, вероятно, будет принято), идея сосуществования в древней Руси двух стилей летосчисления, мартовского и ультрамартовского, войдет в научный оборот как идея, впервые выдвинутая Н. В. Степановым.

При всей обстоятельности трудов Степанова они положили только начало изучению (в новой постановке) вопроса о стиле древнерусского летосчисления. Те рамки, которыми он ограничил свое исследование в отношении круга летописей хронологически, методологически и по степени детальности, далеко не достаточны для полного освещения вопроса. В отношении изученных им летописей результаты его обследования, правильные в основном, страдают неполнотою (иногда он прямо отказывался от определения стиля в датировке более или менее значительной группы статей, если они не давали материала для применения его методов) и не свободны от ошибок. Н. В. Степанов неверно определял время появления у нас ультрамартовского стиля и оставлял собственно открытым вопрос о времени его исчезновения. Обоснование основной своей идеи, — что ультрамартовские датировки надо понимать как стиль летосчисления, а не

как ошибки,— он дал только в общих чертах. Он указывал, что невероятно, чтобы столь многочисленные отступления от датировки событий по мартовскому стилю вызывались ошибками, и из факта большой распространенности ультрамартовских датировок делал заключение, что они представляют собою тоже стиль летосчисления,— ультрамартовский стиль. Глубже в эту сторону дела он не входил.

Н. В. Степанов — не историк по специальности (он был преподавателем математики и физики), и это очень отразилось на его работах. Распространенность тех хронологических явлений в наших летописях, которые были исследованы Н. В. Степановым, важность их изучения для практики хронологической работы, для датировки событий, их значительность для наших представлений о древнерусском летосчислении — все это позволило, казалось бы, ожидать, что непосредственно вслед за появлением работ неисторика Степанова историки продолжат его дело, на широком круге материалов и во всеоружии своих методов пересмотрят, расширят, уточнят результаты его исследований, шире поставят самый вопрос об ультрамартовском стиле, выдвинут такие его стороны, которых не касался Степанов, и определят свое отношение к основному положению Степанова по существу, примут его или отклонят. Этого не произошло. Труды Н. В. Степанова не привлекли в должной мере активного внимания деятелей исторической науки.

Настоящая работа не была задумана как продолжение работ Н. В. Степанова именно по изучению ультрамартовского стиля; но, вследствие того что ультрамартовские датировки, их чередование с мартовскими представляют в течение длительного времени очень значительное, очень характерное явление в летописях, она в существенной части своего содержания примкнула к работам Степанова, продолжила их. Круг изученных летописей и примененных методов их обследования шире, чем у Степанова, приемы и результаты обследования — детальнее; в результаты, достигнутые Степановым, внесены изменения. С возможной полнотой и точностью установить распространенность ультрамартовских датировок в сохранившихся памятниках летописания — такова была первая и основная задача работы в отношении этого типа датировок. Вместе с тем в работе выдвинут вопрос об ультрамартовских датировках в утраченных произведениях летописного характера, результаты обследования сохранившихся сводов поставлены в связь с историей летописного текста, с историей летописания. Предложенное Степановым понимание ультрамартовских датировок как с т и л я летосчисления не было при этом поколеблено: скорее, напротив, приобрело, как кажется, несколько большую убедительность.

Н. В. Степанов определяет в изученных летописях чередующиеся группы статей (периоды, эпохи, как он выражается) мартовского и ультрамартовского стилей. Ориентирующая полезность такого расчленения летописи для датировки изложенных в ней событий несомненна, но оно не является достаточным с этой стороны ввиду хронологически составного характера очень многих летописных статей. Очень часто летописная статья не ограничивается изложением событий одного года, соединяет под одним обозначением года события двух, а иногда и больше, чем двух годов; причем иногда порядок сообщений в статье не соответствует последовательности событий, события разных годов не только смешаны, но и перемешаны; и очень часто — это другая сторона того же явления — события одного года разбиты в летописи между двумя или несколькими статьями под разными обозначениями годов. При этих условиях определить, в отношении соответствия мартовскому стилю или отступления от него, только обозначение статьи в целом, очевидно, недостаточно для правильной датировки ее сообщений. Необходимо исчерпывающе вскрыть хронологический состав каждой такой статьи, которая